Л. А. Морозова*

Ф. Н. ПЛЕВАКО: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (К 175-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)[1]

Аннотация. *Знаменитого русского адвоката Федора Никифоровича Плевако не зря называли московский златоустом. Современники отмечали его способность оказывать магическое воздействие на суд и присяжных заседателей, умение повернуть судебный процесс в пользу обвиняемого. Он мог установить незримый контакт с аудиторией, вовремя проявить находчивость и остроумие, прибегнув к образному сравнению или мгновенно отпарировав реплику противоположной стороны процесса. Как справедливо подчеркивает современный российский адвокат Г. Резник, Плевако был юристом — профессионалом высочайшего класса, глубоким психологом, проникающим в сокровенные тайники человеческой души, знатоком общественных нравов и быта разных социальных слоев. Знавшие лично Ф. Н. Плевако отмечали присущее ему чувство меры, которое свойственно только подлинно интеллигентному человеку. Он проявлял глубокое уважение ко всем участникам судебного процесса: не видел врагов ни в судьях, ни в прокуроре, ни в свидетелях, ни в присяжных, которых никогда не отводил, а напротив, причислял себя к ним в качестве тринадцатого с совещательным голосом. В обоснование данного вывода в статье приводятся примеры из речей Плевако на многих судебных процессах. Бытует представление о Плевако как исключительно о юристе-практике, совершенно не общественном деятеле, так как он не участвовал в политических процессах типа дела Веры Засулич. Автор статьи разрушает данное представление, ссылаясь на дела о люторических крестьянах, севских крестьянах, о стачке рабочих на фабрике Саввы Морозова и др., отмечая наполненность его речей общественным и политическим смыслом, глубокой гражданственностью и чувством сострадания к народу.*

Плевако участвовал в комиссии, работавшей над проектом реформы адвокатуры, вместе с А. Ф. Кони, В. Д. Спасовичем, Н. С. Таганцевым, И. Я. Фойницким и другими выдающимися юристами России. Об общественной деятельности Плевако свидетельствует и избрание его в 1907 г. в Государственную Думу.

В заключительной части статьи подчеркивается огромная роль Плевако в практической и теоретической юриспруденции России, отмечается, что его наследие подлежит внимательному и глубокому изучению. Необходимо также создать среди практикующих юристов его школу, вооружив ее учеников тонкостью психологического анализа, выразительностью и богатством юридического языка, яркостью и жизненностью образов, блеском стиля и глубиной мысли.

[1] Автор выражает глубокую благодарность доценту Московского государственного юридического университета О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидату юридических наук Олегу Витальевичу Поспелову за материалы, позволившие написать данную статью.

© Морозова Л. А., 2017

* *Морозова Людмила Александровна*, доктор юридических наук, профессор Российского государственного университета правосудия, почетный работник высшего профессионального образования РФ
tgp@rsuj.ru
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Ключевые слова: *Плевако, ораторское дарование, презумпция невиновности, приверженность суду присяжных, судебная милость, анализ законодательства, соотношение милости и справедливости, правосудие, общественное звучание речей, школа, общественный резонанс дел, личный и сословный патронат, адвокатская монополия.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.207-216

Знаменитый русский адвокат Федор Никифорович Плевако за свой дар красноречия был прозван московским златоустом, а современники считали его такой же достопримечательностью Москвы, как Царь-пушка, Царь-колокол, Третьяковская галерея или собор Василия Блаженного. Однако детство его не было безоблачным.

Сын калмычки и поляка, сосланного в Оренбургскую губернию за участие в Польском восстании 1831 г., он так и остался незаконнорожденным, поскольку брак его родителей не был официально оформлен. Даже свое отчество он получил от крестного отца (родного его отца звали Василием). Тем не менее, по свидетельству его родственников, отец Плевако проявлял большую заботу о воспитании и образовании двух своих сыновей — Дормидонта и Федора. Оба сына блестяще учились сначала в Московском коммерческом училище (после переезда семьи в Москву в 1855 г.), а после отчисления из училища, когда начальству стало известно о том, что братья незаконнорожденные, — в 1-й Московской гимназии (Поливановской).

В 1859 г. Плевако поступил на юридический факультет Московского университета в качестве вольнослушателя. Объяснялось это тем, что он должен был зарабатывать частными уроками, чтобы содержать оставшиеся на его иждивении после смерти отца мать и больную сестру. Правда, семье помогали опекуны, что позволило Федору Никифоровичу не только окончить в 1864 г. университет, но и прослушать курс лекций в Гейдельбергском университете в Германии.

В 24 года он уже вступил на адвокатское поприще. В воспоминаниях родных Федора Никифоровича приводится сделанная им запись в дневнике в связи с этим событием: «Даю себе слово брать уголовные дела, где есть психологический интерес, или общественные тенденции, или где есть сильные данные, что гроза собралась над честным человеком, напрасно оговоренным его врагами»[2]. Его коллеги и современники считали, что он сдержал данное себе слово и на протяжении всей своей профессиональной деятельности придерживался этого принципа. Более того, став знаменитым адвокатом, он добился всего не связями, не наследственным богатством, не покровительством, а талантом, умом, знаниями[3]. По оценке современников, Плевако просиял на всю Россию своим ораторским дарованием, а по словам старшины московских присяжных поверенных С. И. Филатова, «он первый поднял знамя уголовного русского защитника на недосягаемую высоту»[4].

Личная жизнь Плевако первоначально тоже сложилась непросто. Среди родственников бытовала легенда, что первую свою жену он похитил из монастыря. От брака у него был сын Сергей. Известно, что он, как и его другой сын, от второго брака, пошли по стопам отца и получили юридическое образование.

Второй брак Плевако окружен романтическим ореолом. Его жена Мария Андреевна, из семьи известных вязниковских купцов Ореховых, была выдана замуж в 17 лет за не менее известного купца Василия Васильевича Демидова. Но после 11 лет замужества и рождения пятерых детей забрала всех детей (младшей дочери исполнилось всего полтора года) и ушла от мужа-тирана. Она обратилась к Плевако с просьбой вести ее бракоразводный процесс. Со времени их встречи они уже не расставались, прожив вместе почти 30 лет. Однако муж Марии Андреевны 20 лет не давал ей развода, и трое ее совместных с Плевако детей считались незаконнорожденными. Были трудности с их оформлением. В результате двух своих сыновей — Сергея и Петра — Федор Никифорович усыновил, а дочь Варвару оформил как подкидыша.

---

[2] *Мартынова-Савченко М. С.* Осколки времени. Из истории одной семьи. М., 2007. С. 23.

[3] *Мартынова-Савченко М. С.* Указ. соч. С. 28.

[4] Цит. по: *Подгорный Б. А.* Плевако (сообщение, сделанное 13 марта 1914 г. в Московском юридическом собрании). М., 1914. С. 4.

Семья Плевако проживала в Москве на Новинском бульваре. В их доме бывали Станиславский, Немирович-Данченко, Шаляпин, Кони, Савва Морозов. Одно время в качестве помощника у Плевако работал Леонид Собинов, который выступал на концертах в доме патрона, где его и увидела Мария Ермолова и сыграла важную роль в его артистической судьбе. Вообще, в доме Плевако регулярно проходили вечера, ставились спектакли. Дом был, что называется, «полная чаша». Благосостояние семьи обеспечивалось как капиталами жены, так и существенными адвокатскими гонорарами мужа. Федор Никифорович не скрывал своей состоятельности. Он считал, что главное — «поступать по-божески, не отказывать в бескорыстной помощи тем, кто в ней по-настоящему нуждается»[5].

Еще при жизни Плевако его имя обросло множеством легенд, анекдотических историй, подчеркивалась его способность оказывать магическое воздействие на судей и присяжных заседателей, умение повернуть судебный процесс в пользу обвиняемого. Как отмечали многие его современники, он был способен установить незримый контакт с аудиторией, вовремя проявить остроумие и находчивость, прибегнув к образному сравнению или мгновенно отпарировав реплику противоположной стороны процесса. Как справедливо подчеркивает Г. Резник, Плевако был юристом — профессионалом высочайшего класса, глубоким психологом, проникающим в сокровенные тайники человеческой души, знатоком общественных нравов и быта разных социальных слоев. «Разгадка славы Плевако проста, — пишет Г. Резник, — он был обыкновенный гений. Гений судебного красноречия, гений судебной защиты. Гениальность всегда несет в себе загадку, до конца проверить алгеброй ее гармонию нельзя»[6].

В одной из статей, посвященной Плевако, написанной и изданной в 1914 г., ее автор Борис Подгорный на основе анализа речей Федора Никифоровича только по уголовным делам (составившим два тома), сделал вывод: эти речи не могут воспроизвести человеческий образ известного адвоката, его живую речь, представить его фигуру, движения, лицо и т.д. Вместе с тем речь Плевако была подобна «помещению красивого, но надоевшего камня в изысканную оправу, вследствие чего он внезапно приобрел поразительные оттенки, стал светиться такими переливами, которые восхищают глаз, и зритель думает, что он видит ранее никогда им не виденное»[7].

Современники Плевако отмечали присущее ему чувство меры высокой степени, полагая, что оно свойственно только подлинно интеллигентному человеку. Если в его речах и встречались два-три преувеличения, то они были исключением. Он всегда проявлял доверие к свидетелям, почти полное отсутствие полемики с обвинителем, «чрезвычайно малый запрос к судьям», в том числе к присяжным. В качестве примера обычно ссылаются на речь Плевако в защиту А. Е. Максименко, обвиняемой в отравлении своего мужа (1890 г.).

Привлекает внимание в этой речи прием, использованный Плевако: «Если вы спросите меня: убежден ли я в ее невиновности, я не скажу: да, убежден. Я лгать не хочу. Но я не убежден и в ее виновности… Я и не говорю о вине или невиновности; я говорю о неизвестности ответа на роковой вопрос дела… Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то все сомнения должны решаться в пользу жизни»[8]. Таким образом, обратив внимание присяжных заседателей на недоказанность виновности подсудимой, на отсутствие веских, достоверных доказательств ее вины, Плевако тем самым подвел их к одному из главных принципов уголовного судопроизводства — презумпции невиновности. А если нет абсолютной уверенности в виновности конкретного лица, то нельзя его осудить и наказать.

Как известно, вердиктом присяжных заседателей факт отравления А. Е. Максименко своего мужа был признан недоказанным и подсудимая и ее сообщник оправданы.

Современники Плевако отмечали, что у него чувство меры определялось сознанием собственного достоинства[9]. Он проявлял глубокое уважение к участникам судебного процесса

---

5 *Мартынова-Савченко М. С.* Указ. соч. С. 25.

6 *Резник Г.* Рыцарь правосудия // Плевако Ф. Н. Избранные речи. М., 2008. С. 11.

7 *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 11—12.

8 *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 540.

9 *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С.14.

и не видел врагов ни в судьях, ни в прокуроре, ни в свидетелях, ни в присяжных, которых никогда не отводил, а напротив, причислял себя к ним в качестве тринадцатого с совещательным голосом[10].

В связи с этим хочется отметить прямую противоположность современных судебных процессов, где обвинение и защита с ожесточением оспаривают позиции друг друга, допуская бестактные взаимные замечания и нарушая элементарные правила этики.

В речи в защиту Кострубо-Корицкого (1871 г.) Плевако следующим образом продолжил свою мысль о взаимоотношениях сторон судебного процесса: «И обвинитель, и защитник одинаково специально изучают дело, хотя и смотрят на него с разных точек зрения; обвинение не выше защиты, и защита не выше обвинения, — закон признает их равноправными…»[11]

Исследователи творчества Плевако подчеркивают его особую приверженность суду присяжных. Во многих его речах можно встретить обращение к присяжным исполнить свой долг подлинного правосудия, не опасаясь ничего, кроме неправды в своем приговоре, проявить гуманное отношение к человеческой личности, во избежание судебных ошибок проверять свои окончательные выводы. «На суд призываетесь вы, люди жизни, — говорил он, — не заинтересованные в деле иными интересами, кроме интересов общечеловеческой правды…»[12]

Обращаясь к присяжным, Плевако часто употреблял забытое в наши дни (по словам Г. Резника) слово «милость». «Не бойтесь, — призывал он, выступая в деле о В. В. Ильяшенко (1883 г.), — быть милостивыми и не верьте тем, кто осуждает вас за это, говоря, что вы не имеете право милости… Есть иная милость — судебная милость, завещанная вам творцом великих уставов 20 ноября: милостивый суд, милующее воззрение на человеческую природу… Милостивый суд, о котором я говорю, есть результат мудрости, а не мертвого, отжившего человеконенавидящего созерцания»[13].

Ныне вместо слова «милость» используют в юриспруденции категорию справедливости. Но равнозначны ли они? Думается, что нет.

Древние мыслители относили справедливость к одной из главных добродетелей. Такой же добродетелью считал Плевако и милость. Милость не может не быть справедливой. В наши дни принцип справедливости возведен в одно из основополагающих начал действующего законодательства. В статье 6 ГК РФ принцип справедливости упоминается при реализации аналогии права. В статье 6 УК РФ принцип справедливости назван основой при применении наказания. Справедливым считается наказание, которое соответствует характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения, личности виновного. Иными словами, справедливость представляет собой *ценностный ориентир* при характеристике общественно значимых действий, поступков, государственно-правовых явлений, при определении соразмерности поведения людей требованиям юридических предписаний и ответная реакция на это общества и государства.

Плевако, судя по его речам, понимал милость судей шире, чем простое требование справедливости, хотя она, безусловно, предполагает справедливость. Вместе с тем милость — это нравственная категория, которая не закреплена в законе, но основана на проявлении определенной снисходительности к совершившему преступление (или иное правонарушение), чувства сострадания к нему, которое, по словам Плевако, заставляет «нередко судью смягчать суровые веления писаного закона»[14]. Не случайно современный УК РФ содержит специальную ст. 65 «Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении». Представляется, что это и есть милость в трактовке Плевако: данная статья предусматривает, что срок или размер наказания признанному виновным в совершении преступления не могут превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершение преступления. Если же Особенной частью УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, то эти виды наказаний не применяются.

---

10 *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 26.

11 *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 104—105.

12 Указ. соч. С. 540.

13 Указ. соч. С. 548.

14 Указ. соч. С. 480.

Практически все, кто писал о деятельности Плевако, подчеркивали чувство благоговения, которое он испытывал к суду присяжных: «Суд присяжных — кумир Плевако, а он — кумир суда присяжных», — пишет Г. Резник[15]. Может быть отсюда, отмечает Б. А. Подгорный, «та благодарная влюбленность в суд присяжных, которою напоены его речи»[16].

Обращение Плевако к присяжным далеко от заискивания перед ними, это всегда призыв к их ответственной миссии: «Будьте людьми совести и разума по преимуществу». В деле супругов Замятниных (1882 г.) есть замечательные слова, произнесенные Ф. Н. Плевако: «…дело правосудия есть дело великое. Надеюсь… вы сознаете, что нужно давать руку помощи упавшему, поднять грешника кающегося, оказать милость страждущему…»[17].

Выступая в деле Горнштейна и других, обвиняемых в поджоге (1901 г.), Плевако убежденно сказал: «Ведь правосудие — это последнее прибежище человека, последняя его защита… И моя горячая любовь к русскому человеку, моя вера в него не позволяет подумать о том, чтобы вы могли… *обвесить на правосудии* (курсив наш. — *Л. М.*). И стыдно бы мне было, стыдно сидеть рядом с вами, если бы вы сделали это!»[18] Очень сильные слова, и не мудрено, что они оказали решающее воздействие на присяжных: они оправдали всех обвиняемых.

По утверждению родственников, Плевако был очень религиозен, с карандашом в руках изучал Библию, поэтому в его речах можно встретить ссылки на библейские заповеди и цитаты из Библии. Он был крестным отцом многих детей своих друзей и знакомых, вносил большие денежные пожертвования православной церкви. Но одновременно с уважением относился к другим религиям, был большой веротерпимец[19]. Рассказывали также о его бескорыстии: он вел бесплатно много дел в пользу малоимущих, никогда не отказывал в помощи обездоленным, одиноким. Известен факт, когда Плевако, защищая крестьян села Люторич Епифанского уезда Тульской губернии, обвиняемых в сопротивлении должностным лицам при исполнении судебного решения (1880 г.), содержал всех 34 обвиняемых во время продолжавшегося три недели судебного процесса.

Характеризует Плевако как личность и такой факт: он с супругой отказался принять 2,5 млн руб., завещанных Марии Андреевне ее свекром по первому мужу, купцом Демидовым. А это были в те времена не просто большие, а очень большие деньги.

Существует мнение, что Плевако выигрывал абсолютно все дела, которые вел. Это не так. Г. Резник утверждает, что он выигрывал большинство дел, но не все. Выступая в двух качествах: защитником — как представитель обвиняемого и обвинителем — как представитель потерпевшего или гражданского истца, Плевако, по мнению Г. Резника, как обвинитель торжествовал на всех процессах[20]. Объясняется это тем, что как адвокат он имел возможность выбора дел, когда представлял интересы потерпевших или гражданских истцов, если был убежден в справедливости притязаний.

Плевако нередко упрекали в том, что он не готовился к выступлениям в суде, надеясь на вдохновение и импровизацию. Это опровергается воспоминаниями родственников и некоторых коллег. По семейным преданиям, Федор Никифорович обычно речей не писал, он делал пометки на листочках, которые почему-то называл «оазисами». Работал, как правило, чисто по-русски: мог не отходить от рабочего стола и день, и ночь, а мог все забросить и садился за карты[21]. Известный русский адвокат В. А. Маклаков, бывший одно время помощником Плевако, утверждал: кажущаяся его неподготовленность «объяснялась не недостаточной обдуманностью речи, а той своеобразной оценкой доводов, которая коренилась в существе плеваковского мировоззрения, составляя оригинальность содержания речи»[22].

---

15 *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 15.

16 *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 15.

17 *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С.199.

18 Указ. соч. С. 212—213.

19 *Мартынова-Савченко М. С.* Указ. соч. С. 35 ; *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 6.

20 *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 24.

21 *Мартынова-Савченко М. С.* Указ. соч. С. 32, 33.

22 Цит. по: *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 30.

Он делал наброски один за другим, составляя иногда до девяти вариантов, а произносил совсем другую, десятую речь, импровизируя по ходу судебного процесса. Именно в этом и состоял его ораторский талант. Надо отметить, что он никогда не повторялся, приводимые им примеры всегда отличались образностью, убедительностью. Особенно это видно из речей по делу игуменьи Митрофании (1874 г.), по делу князя Грузинского (1883 г.), по делу Прасковьи Качки (1880 г.) и др.

Бытует представление о Плевако как исключительно о юристе-практике, совершенно не общественном деятеле, т.е. он не участвовал в политических процессах типа дела Веры Засулич. Однако он защищал люторических крестьян, о чем уже говорилось, которые оказали сопротивление представителям государственной власти при описи их нищенского имущества за долги графу Бобринскому. В своей защитительной речи Плевако красочно описал положение дел с так называемыми кошачьими наделами, которые не могут обеспечить элементарные жизненные потребности крестьян, и они вынуждены вечно одалживаться землей и семенами у помещика или искать у него заработка. Плевако привел подлинные цифры неустойки за неоплаченный долг крестьян, который составлял 30, 50 и даже 100 %. В результате долги росли и составили десятки тысяч рублей, которые им негде было взять. «Из мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесет, умрет, — что за дело!» — говорил их защитник. И далее: «В этом тумане потерялось все: вера в возможность просвета жизни, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним»[23].

Разве эти слова не наполнены общественным и даже политическим смыслом? Разве они не свидетельствуют о конкретной жизненной позиции адвоката? Важно также упомянуть, что Плевако сам вызвался участвовать в этом процессе и не взял с крестьян никакого гонорара.

Таким же общественным звучанием характеризуется дело о стачке рабочих на фабрике товарищества Саввы Морозова, бастовавших в течение нескольких дней из-за уменьшения зарплаты на 25 % и строгости взимания штрафов за недоброкачественную работу. Забастовка сопровождалась уличными беспорядками и столкновением рабочих с войсками. Стачка закончилась вмешательством казаков и высылкой в административном порядке около 600 рабочих. 33 человека предстали перед мировым судьей, а в отношении 17 дело рассматривалось Владимирским окружным судом без участия присяжных заседателей (1886 г.). В этом суде в защиту двух рабочих выступал Плевако. Они не были оправданы, но мера наказания была значительно смягчена — арест на три месяца. В своем выступлении Плевако подробно и глубоко проанализировал законодательство, регламентировавшее понятие стачки, в том числе понятие наказуемой, т.е. запрещенной, стачки, проведя одновременно сравнение с соответствующим положением французского Уголовного кодекса. Ему удалось убедительно показать, что закон охраняет интересы работодателя против беззакония рабочего, но не берет под свою защиту всякого хозяина. Настаивая на необходимости соблюдения обеими сторонами принципа исполнения законных договоров рабочего с работодателем, законодатель, по утверждению адвоката, устанавливает охрану «интересов слабейшего из договаривающихся — рабочего от злоупотреблений сильнейшего, хотя бы под благовидной формой свободного договора»[24]. Задача суда поэтому, считал Плевако, состоит не в том, чтобы оценивать любую забастовку как наказуемую, а установить ее цель. В данном случае фабричные оспаривали не сам договор, а нарушение договора, не сумму штрафов, а то, что под предлогом штрафа списывалась сумма с работы, не подлежащей штрафу[25].

Данное дело имело большой общественный резонанс, как и дело севских крестьян, участвовавших в разграблении имения барона Мейендорфа. Собственно ограблению подверглись амбары имения: крестьяне сбили замки и похитили 3 тыс. пудов зерна, несколько десятков пудов шерсти и кое-какое имущество. Власти обнаружили 29 участников погрома, они чистосердечно признались в содеянном и возвратили все похищенное. Дело не было сложным, но шел 1905 г. — начало русской революции. Это предполагало определенную

[23] *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 593, 600.

[24] Указ. соч. С. 606—607.

[25] Указ. соч. С. 606—607.

позицию государственной власти в отношении так называемых аграрных беспорядков. Кроме того, как считал обвинитель, невозможен оправдательный приговор вследствие того, что «полная безнаказанность подорвала бы в крестьянах чувство порядка и явилась бы гибельною для них самих»[26]. По этому делу в качестве одного из защитников выступал Плевако. Его речь была немногословной, но наполнена болью за судьбу простых людей. «Русский человек, — говорил он, — даст порой Минина, порой Пугачева, порой Пожарского, порой Разина. А между этими именами десятилетия и столетия молчания и мертвой зыби… Русские силы теперь гибнут массами. Будемте скупы на трату их, хотя бы в правосудии… Ведь за ними, за этими испуганными людьми — десятки, живущие их трудами, будущие граждане страны. Не обездольте и этих и тех суровостью судейского слова и лишениями жизни»[27].

Вряд ли можно отрицать глубокую гражданственность этих слов, проникнутых чувством сострадания к народу, его беспросветному существованию, лишенному духовной жизни и обреченного заниматься только тяжелым физическим трудом, чтобы прокормить себя и свою семью.

Очень образно, выразительно описывал Плевако в своих речах положение фабричных рабочих, когда, выйдя из фабрики, они видели себя окруженными кабаками и подвалами с хмельным. «Что такое кабак в жизни большинства фабричных? — спрашивал адвокат и отвечал: — Это его клуб, его кабинет. Здесь он оставляет весь свой заработок, остающийся от необходимых домашних затрат. Кабацкая выручка — это склад, где сложены и трудовые деньги, и здоровье, и свободное время рабочего»[28].

Приведенные слова из выступлений Плевако свидетельствуют о том, что он был подлинным патриотом своей страны, озабоченным бедственным положением трудящихся масс, и призывал судей проявлять сострадание к их безвыходному состоянию и беспросветному существованию.

По отзывам современников, «Плевако не знал позы. Он не пользовался трибуной защитника для публицистики и декламации… Взамен “публицистики” он делает бытовой очерк, рассказывая о “полуголодной свободе”, о “кошачьем наделе”29 крестьян, о безысходной жизни рабочих. Плевако был общественно настроенным человеком, гражданственность хорошо понималась и чувствовалась им»[30].

Бытует мнение о том, что Плевако, кроме адвокатской деятельности, ставшей его профессией, никакой общественной деятельностью не занимался. Между тем известно, что он был приглашен министром юстиции Н. Д. Муравьевыми в числе других выдающихся юристов — А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого — в состав комиссии, работавшей над проектом реформы адвокатуры. Эта реформа, по словам И. В. Гессена, оказалась абсолютно бесспорной в связи с пересмотром Судебных уставов 1864 г., поскольку участие адвоката в процессе рассматривалось как гарантия права подсудимого на защиту и важнейшее составляющее судебной реформы 1864 г.

Н. Д. Муравьевым были определены направления деятельности по отправлению правосудия не только для прокурора, председательствующего в судебном заседании, присяжных заседателей, но и для защитника: «Он обязан содействовать, а не препятствовать суду в достижении целей правосудия, причем выступает не только как частный представитель подсудимого, но и в качестве *судебно-общественного деятеля* (курсив наш. — *Л. М.*), который изменяет достоинству своего звания, если, например, стремится к так называемому обелению или освобождению виновного от наказания во что бы ни стало и без различия средств и приемов действия»[31].

Вооруженный этим ориентиром, Плевако принимал активное участие в работе комиссии, в обсуждении наиболее важных проблем организации и деятельности адвокатуры, которая принадлежала к наиболее свободной, ли-

---

[26] *Плевако Ф. Н.* Указ. соч. С. 583.

[27] Указ. соч. С. 585.

[28] Указ. соч. С. 611.

[29] *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 21.

[30] Указ. соч. С. 21.

[31] *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. История и документы : в 6 т. М., 2003. Т. 4 : На рубеже веков: эпоха войн и революций. С. 281.

беральной профессии, но организационно в те годы зависела от суда. В комиссии, например, возник вопрос о неудобстве правила ежегодного пересмотра состава Совета адвокатуры, поскольку непродолжительный срок нахождения в Совете не позволял приобрести необходимые знания и навыки. Были и противники изменения порядка выборов Совета. В результате комиссия приняла решение проводить выборы ежегодно, но обновлять не весь состав, а его половину, сохраняя таким образом преемственность в своей работе.

Серьезные споры членов комиссии вызвало предложение установить дисциплинарный надзор за Советом, а также дополнить систему дисциплинарных взысканий денежным штрафом. Большинство комиссии отвергло это предложение, полагая, что установление штрафа привело бы к умалению нравственного авторитета Совета.

Как подрыв самостоятельности института адвокатуры было расценено предложение изъять из компетенции Совета рассмотрение поступков присяжных поверенных во время судебных заседаний, которые представляли собой «нарушение правил благопристойности». Здесь позиции членов комиссии разделились: Плевако и Спасович выступили за то, чтобы такого рода поступки передавались на рассмотрение судебных учреждений во избежание пристрастности Совета относительно присяжных поверенных. Но большинство комиссии выступили против. В итоге министр юстиции согласился с меньшинством и сформулировал правило, согласно которому дисциплинарные взыскания на присяжных поверенных налагались теми судебными органами, в заседании которых и были совершены проступки.

Весьма бурно обсуждался в комиссии вопрос о помощниках адвокатов. Спор возник прежде всего об утверждении начал личного или сословного патроната, а также о количестве помощников при каждом присяжном поверенном. Московские адвокаты, включая и Плевако, единогласно высказались за учреждение личного патроната, хотя в комиссии констатировалось, что часто между присяжными поверенными и их помощниками устанавливались фиктивные отношения: поверенные не вели наблюдения за работой помощников, не руководили их деятельностью, не проводили практических занятий с помощниками по изучению права и судопроизводству и не всегда готовили их к самостоятельной адвокатской работе. Между тем получение помощником звания присяжного поверенного практически целиком зависело от усмотрения патрона. Многие участники муравьевской комиссии сочли, что необходимо сохранить личный патронат, но не отказываться и от организации Советом профессионального обучения помощников, привлекая их к ведению бесплатных уголовных защит, консультаций бедных людей, у которых нет средств для оплаты услуг адвокатов. Тем самым на сословный патронат возлагалась миссия воспитания помощников в духе сословных традиций.

Горячие дискуссии вызвали проблемы адвокатской монополии и вознаграждения адвокатов. Первый вопрос был решен достаточно быстро и в целом бесконфликтно, поскольку присяжные поверенные не высказали принципиальных возражений относительно параллельного существования двух институтов, равных по профессиональным правам: присяжных и частных поверенных. Однако появилась возможность вести некоторые судебные дела вообще всем лицам, которым согласно закону не запрещено быть поверенным в суде.

Что касается вопроса о вознаграждении адвокатов, то в комиссии он был поднят на принципиальную высоту. Особенно это касалось соглашения доверителя с поверенным. Дело в том, что член комиссии, бывший присяжный поверенный А. Л. Боровиковский выступал горячим противником адвокатских гонораров и допускал по уголовным делам только добровольную благодарность от подсудимого, а по гражданским делам — исключительно словесные договоры, не обеспеченные иском. За проигранное дело, он считал, гонорар адвокату не полагается. При этом необходимо запретить включать в договоры о вознаграждении по уголовному делу условия, ставящие размер гонорара в зависимость от исхода дела в суде. Такого рода условия, по мнению А. Л. Боровиковского, означают «недостойный торг правосудием и судьбой подсудимого»[32]. Однако это мнение осталось одиноким, и комиссия единогласно высказалась за допустимость соглашения о гонораре по уголовным делам, поскольку не нашла в таком соглашении «ничего

[32] *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Указ. соч. Т. 4. С. 342—346.

не совместимого с требованиями строгой этики, с честью и достоинством присяжного поверенного»[33].

Об общественной деятельности Плевако свидетельствует и избрание его в 1907 г. в Государственную Думу от московской крупной буржуазии (по первой курии), где Плевако примкнул к октябристам. И это не удивительно, так как он был убежденным сторонником монархической формы правления. Однако смерть в 1908 г. помешала ему проявить себя в полной мере в этой государственной деятельности.

В завершение необходимо отметить огромную роль Плевако в практической и теоретической юриспруденции России. Хотя он не писал научных статей на правовые темы, но все его речи и выступления в суде поучительны, проникнуты глубоким уважением к закону, убежденностью в правоте своей позиции, обостренным чувством справедливости и стремлением войти в положение подсудимого, а также безупречностью стиля и содержания.

Думается, что наследие Плевако подлежит внимательному и глубокому изучению. Это позволит, по утверждению А. Ф. Кони, «подниматься от частного к общему и идти не только по прямой линии логического размышления, но и по всем радиусам бытового и общественного явления во всей его цельности»[34]. Более того, уже современники Плевако считали необходимым создать среди практикующих юристов его школу, вооружив его учеников тонкостью психологического анализа, выразительностью и богатством юридического языка, яркостью и жизненностью образов, блеском стиля и глубиной мысли[35].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. История и документы : в 6 т. — М., 2003. — Т. 4 : На рубеже веков: эпоха войн и революций.
2. *Мартынова-Савченко М. С.* Осколки времени. Из истории одной семьи. — М., 2007.
3. *Плевако Ф. Н.* Избранные речи. — М., 2008.
4. *Подгорный Б. А*. Плевако (сообщение, сделанное 13 марта 1914 г. в Московском юридическом собрании). — М., 1914.

Материал поступил в редакцию 16 мая 2017 г.

F. N. PLEVAKO: LIFE AND WORK (175th anniversary)[36]

MOROZOVA Ludmila Altksandrovna — Doctor of Law, Professor of the Russian State University of Justice, Honourable Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation
tgp@rsuj.ru
117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya Str., 69

Review. *A famous Russian lawyer Fedor N. Plevako received his common name of "Moscow Master of Rhetoric" while still alive. His contemporaries noted his ability to make a magical impact on the Court and the jurors, the ability to turn the trial in the favour of the accused. He could build invisible rapport with the audience, show smartness and quick wit applying comparison or retorting the replica of the opposite party in a blink. As a modern Russian lawyer H. Reznik justly emphasizes, Plevako was a lawyer — a professional of the top class, deep psychologist, penetrating the secrets hiding in the human soul, a connoisseur of social mores and life of different social strata. Those knowing F.N. Plevako in person noted the inherent sense of proportion, which is a characteristic of a truly smart and clever man. He had a deep respect for all participants in the judicial process: he tried to find enemies neither in judges nor in the Prosecutors, neither in witnesses nor in the jurors; on the contrary, he considered himself as the thirteenth with a deliberative voice. In support of this conclusion the article*

---

33 *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Указ. соч. Т. 4. С. 345.

34 Цит. по: *Подгорный Б. А.* Указ. соч. С. 38.

35 *Подгорный Б. А.* Указ. соч.

36 The author expresses deep gratitude to Oleg S. Pospelov, Professor at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law for the materials which made it possible to write this article.

provides examples of speeches by F.N. Plevako at many trials. There is an opinion on Plevako being a lawyer of practice, but not a public figure, as he was not involved in the political processes of the cases such Faith Zasulich case. The author of the article contradicts this view, citing the cases of lyutorichesk peasants, sevsk peasants, on the workers' strike at the Savva Morozov factory and others, noting the fullness of his speeches with public and political sense, deep citizenship and a sense of compassion for people.

Plevako participated in the Commission working on a draft reform of the legal profession, together with A.F. Kony, V.D. Spasovich, N.S. Tagancev, I.Ya. Foynitskiy and other prominent lawyers of Russia. His being elected to the State Duma in 1907 shows him as a public figure.

The final part of the article highlights the huge role Plevako played in practical and theoretical jurisprudence in Russia, and notes that his legacy is subject to careful and in-depth study. There is also a need for developing Plevako legal school among legal practitioners, providing his students with a finesse of psychological analysis, expressiveness and richness of legal language, brightness and vitality, glitter images, style and depth of thought.

Keywords: *Plevako, rhetorical talent, the presumption of innocence, trial by jury, the Court's commitment to mercy, analysis of the legislation, the ratio of mercy and justice, the judiciary, public sounding speeches, school, public interest cases, personal estates and patronage, Attorney monopoly.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin G. Yu.* Judicial Power in Russia. History and Documents: In 6 Vol. Vol. IV. At the Turn of the Century: The Era of Wars and Revolutions. — M., 2003.
2. *Martynov-Savchenko, M. S.* Slivers of Time. The History of one Family. — M., 2007.
3. *Plevako, F. N*. Selected Speeches. — M., 2008.
4. *Podgorny, B. A.* Plevako (A Report Made in Moscow on March 13, 1914 at Moscow Law Meeting). — M., 1914.